

яркие цвета моих
айдолов

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тали Тали

Яркие цвета моих айдолов

<https://litres.ru/74597048>

SelfPub; 2026

Аннотация

В самом сердце неонового Сеула гремит новость, расколовшая мир К-рор на до и после: прямо перед грандиозным концертным туром бесследно исчезают участники главной бойз-бэнд группы планеты.

Оказавшись в плену жестокого заговора, айдолы Кван и Нам сталкиваются с той, кого меньше всего ожидали увидеть в своей бетонной камере – Настей, их преданной фанаткой из России. В замкнутом пространстве, где каждый шорох за дверью может стать роковым, стираются границы между недостижимыми кумирами и обычной девчонкой. Пытаясь выжить и обхитрить похитителей, они находят то, что невозможно симитировать – исцеляющую поддержку и запретную, обжигающую близость на троих.

Смогут ли они совершить побег из этой идеальной ловушки, когда главная опасность кроется уже не снаружи, а в их собственных пробудившихся чувствах?

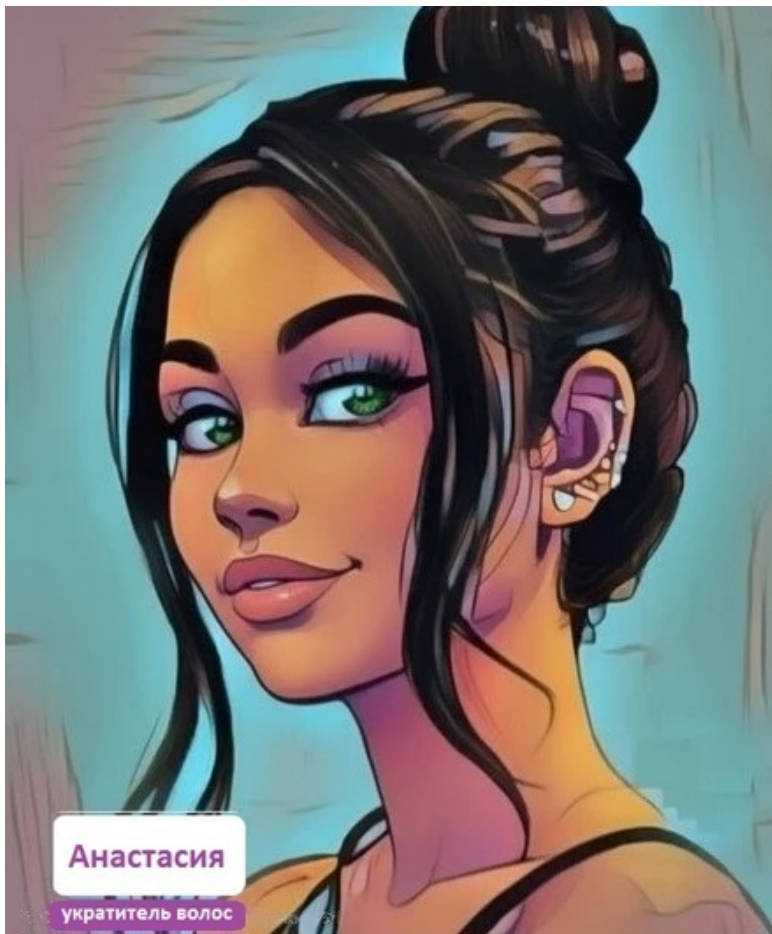
Тали

Яркие цвета моих айдолов

Глава 1. Введение

Все персонажи и события данного рассказа вымышлены, любые совпадения случайны.

Сразу хочу познакомить Вас с главными героями данной истории, поэтому расскажу немного о каждом:

Анастасия Елагина

— была словно соткана из противоречий, и в этом заклю-

чалась её особенная магия. В свои 25 лет она умудрялась быть одновременно настоящей леди и отчаянной хулиганкой, умной и чуточку легкомысленной, а её неиссякаемый позитив будто служил щитом от всех невзгод. Правда, если кто-то чересчур настойчиво испытывал её терпение, в Насте просыпалась настоящая фурия — и тогда лучше было держаться подальше.

С самого детства она была тем самым «гадким утёнком», над которым тихонько посмеивались сверстники. Но к четырнадцати годам природа словно решила наверстать упущенное: Настя расцвела. Её большие зелёные глаза, удивительно похожие на кошачьи, притягивали взгляд — в них читались и хитринка, и глубина, и какая-то неуловимая тайна. Чуть пухлые, нежные губы будто всегда были готовы расплыться в улыбке, а длинные, густые шоколадно-коричневые волосы струились по плечам тяжёлыми волнами, добавляя образу загадочности.

Благодаря любви к танцам фигура Насти получилась по-настоящему женственной и подтянутой — в каждом её движении чувствовалась пластика и сила. А занятия рукопашным боем, пусть и недолгие, добавили уверенности.

Родители, люди рассудительные и практичные, настояли на том, чтобы Настя получила «надёжную» профессию, и она окончила экономический институт. Но сухая теория и бесконечные расчёты не зажигали в ней огонька. Спасением стали курсы парикмахеров — она пошла на них ради подработки,

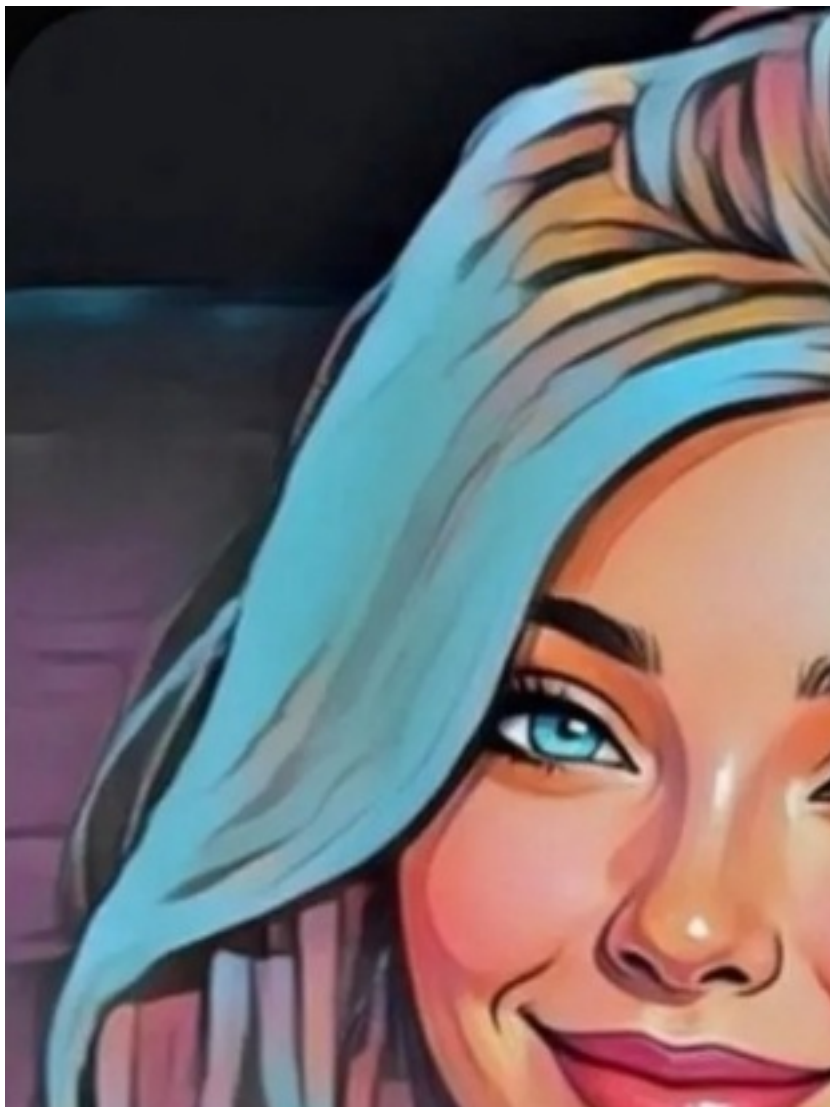
чтобы хоть как-то разбавить скучные будни учёбы. И вдруг поняла: вот оно, её настоящее дело. В каждом срезе пряди, в каждом оттенке краски, в том, как меняется лицо человека, стоило лишь чуть-чуть изменить причёску, Настя видела не просто работу, а искусство.

После института она не стала искать место в офисе, а поступила в известную школу парикмахеров-стилистов. Училась жадно, впитывая каждое слово наставников, пробуя, ошибаясь и снова пробуя. А потом, вместе с лучшей подругой Соней, открыла свой салон красоты. Это было непросто: бессонные ночи, споры о дизайне, поиски поставщиков, первые недовольные клиенты... Но рядом была Соня, такая же упрямая и влюблённая в своё дело, и вместе они справлялись со всем. Салон постепенно набирал популярность, а Настя всё чаще ловила себя на мысли, что наконец-то живёт по-настоящему.

Её страсть к дорамам вспыхнула ещё в пятнадцать лет — и с тех пор не угасала. Она могла часами обсуждать сюжетные повороты. К-Поп она тоже любила, но без фанатичного поклонения: просто включала любимые треки и танцевала, позволяя ритму уносить все тревоги. Уличные корейские песни будто заряжали её энергией, и в эти минуты она чувствовала себя абсолютно свободной.

А ещё Настя мечтала однажды оказаться в Корее — не как турист, спешащий по главным достопримечательностям, а как человек, который хочет прочувствовать эту страну из-

нутри. Её манила не только глянцевая картинка из дорам, но и тихие улочки, маленькие кофейни, запах уличной еды, особый ритм жизни, где всё движется быстро, но при этом остаётся место для маленьких радостей.

Соня — Лучшая подруга Анастасии, с которой можно было и по душам поговорить, и в авантюру ввязаться, и просто помолчать, зная, что тебя всё равно поймут. В свои 25 лет она выглядела так, будто сошла с обложки: высокая, статная (целых 176 см!), с роскошной копной светлых волос и пронзительными голубыми глазами, в которых всегда светила искренность. Но стоило кому-то подумать, что за этой кукольной внешностью прячется пустота, — Соня тут же разбивала этот стереотип парой точных, умных фраз, сказанных с лёгкой улыбкой.

Они с Настей дружили ещё со школы — с тех самых времён, когда обе были не по годам серьёзными девчонками, которые вместо того, чтобы гоняться за модными трендами, обсуждали любимые дорамы и мечтали, когда-нибудь увидеть вживую своих кумиров из К-Поп. Эта общая страсть только крепче сшила их дружбу: вечерами они могли часами разбирать тексты песен, спорить, у какой группы круче хореография, и мечтать о поездке в Корею — каждая по-своему, но с одинаковым огнём в глазах.

Соня не просто любила К-Поп — она фанатела от нескольких корейских групп так, что знала наизусть не только тексты, но и историю каждой строчки. Из-за этого она и загорелась идеей выучить корейский.

В салоне она была мастером маникюра — и не просто мастером, а настоящим художником. Каждый её дизайн был маленьким произведением искусства: то тончайшие узоры,

то смелые контрасты, то едва уловимая нежность, которая заставляла клиентку улыбаться, едва она смотрела на свои руки. Настя часто шутила, что Соня способна одним маникюром поднять настроение на неделю вперёд — и это было чистой правдой.

При всей своей красоте и востребованности Соня оставалась удивительно земной и доброй. Она не умела проходить мимо чужой беды: если видела, что кому-то тяжело, — тут же бросалась на помощь, даже если это грозило ей опозданием или сорванным планом. К сожалению, на этой её отзывчивости порой пытались сыграть не самые хорошие люди, но даже столкнувшись с неблагодарностью, Соня не ожесточалась — просто чуть осторожнее смотрела на мир, не теряя при этом своей открытости.

Вместе с Настей они построили не просто салон, а своё маленькое королевство, где царили творчество, поддержка и смех. И пусть дни бывали выматывающими, а мечты о Корее пока оставались мечтами, каждый вечер, когда они садились рядом, пили чай и снова начинали обсуждать любимые группы, казалось, что всё обязательно получится. Ведь когда рядом есть человек, который разделяет твои мечты и не даёт опустить руки, — любая цель становится чуть ближе.

Всемирно-известная K-Pop группа Monsters Songs (Монстры песни) Или сокращенно MsS

Пять лет назад корпорация Stellar Explosion — «Звёздный взрыв» — объявила о грандиозном кастинге: предстояло со-

брать группу из семерых парней. Изначальный замысел казался простым и чётким: два рэпера, два вокалиста и трое музыкантов. Но реальность, как это часто бывает, оказалась куда интереснее и непредсказуемее любого плана.

Кастинг побил все мыслимые рекорды: более десяти тысяч участников со всей Кореи — и не только — устремились к заветной двери. Кто-то приехал из далёких провинций, сэкономив на последнем, кто-то прилетел из-за границы, полагаясь только на талант и удачу. Десять тысяч голосов, десять тысяч историй, десять тысяч надежд — и лишь семерым было суждено стать частью чего-то большего, чем просто группа.

И когда финальный состав был оглашён, стало ясно: план — это одно, а жизнь — совсем другое. Команда сложилась не по заранее расписанному сценарию, а по какому-то невидимому, но безошибочному чутью — словно сами звёзды решили, кто должен загореться вместе.

Ким Нам - вокалист, танцор и музыкант духовых инструментов. Его голос — мягкий, обволакивающий, с бархатной глубиной — словно был создан для того, чтобы вести за собой мелодию. Но за этой мягкостью скрывалась поразительная выносливость: на сцене Ким Нам двигался с такой лёгкостью, будто гравитация для него — лишь необязательная рекомендация. А когда он брал в руки духовой инструмент, звучание группы обретало совершенно новый оттенок — тёплый, живой, почти осязаемый.

Чон Кван - вокалист, танцор, барабанщик и поэт. Чон Кван был человеком контрастов: за ударной установкой он превращался в стихию — каждый удар точный, мощный, как сердцебиение самой музыки. А потом внезапно замолкал, брал карандаш и записывал строки, которые потом становились текстами песен. Его стихи были отражением души — иногда жёсткие и честные до боли, иногда тонкие и хрупкие, как первый снег. Голос Чон Квана мог звучать и пронзительно-чистым, и хрипло-надрывным — в зависимости от того, о чём пел.

Пак Дук - вокалист и танцор. Пак Дук был тем, кого называют «прирождённой сценой»: стоило ему выйти на свет, как всё вокруг словно отступало на шаг, оставляя его в центре. Его вокал — сильный, гибкий, с лёгким оттенком дерзости — идеально дополнял голоса Ким Нама и Чон Квана, создавая то самое трюйственное звучание, которое стало визитной карточкой группы. А в танце Пак Дук был безупречен — каждое движение выверено, каждый поворот точен, и при этом всё выглядело совершенно естественным, словно он не выполнял хореографию, а просто дышал ритмом.

Мин Юонг Хо - рэпер, танцор, автор и продюсер песен, гитарист и пианист. Юонг Хо был сердцем группы — не потому, что выделялся громче других, а потому, что именно из-под его пера выходили песни, которые заставляли миллионы сердец биться в унисон. За рэпом, острым и хлёстким, скрывался тонкий музыкант: он мог сесть за фортепиано и

сыграть мелодию, от которой перехватывало дыхание, а потом взять гитару — и та же мелодия зазвучала совершенно по-новому. Как продюсер, Юонг Хо слышал каждую деталь: знал, где нужно добавить глубины, где — тишины, а где — взрыва.

Чунг Доунг - Рэпер, танцор, пианист. Чунг Доунг был самым тихим из всех — и одновременно самым загадочным. Его рэп-куплеты отличались обдуманной, выверенной мощностью: каждое слово стояло на своём месте, как кирпич в стене, и каждое било точно в цель. За рациональностью и спокойствием скрывалась глубокая музыкальность: его партии на фортепиано были пронизаны меланхоличной красотой, которая иногда заставляла остальных парней просто замолчать и слушать. В танце Чунг Доунг был точен и плавен — без лишней агрессии, но с внутренней силой, которую невозможно не заметить.

Лим Куан - Рэпер, танцор, автор и продюсер песен. Лим Куан был напарником Юонг Хо по созданию музыки — и одновременно его творческим контрастом. Если Юонг Хо лепил песни из тонких эмоций, то Куан строил их из энергии и ритма. Его рэп был динамичным, резким, с фирменной подачей, которую невозможно спутать ни с кем. Как продюсер, он отвечал за то, чтобы каждая композиция звучала плотно, мощно, современно — и при этом оставалась живой. Вместе с Юонг Хо они образовали продюсерский дуэт, чья химия ощущалась в каждом треке.

Ли Хек - Рэпер и танцор. Ли Хек завершал состав — и при этом был его эмоциональным двигателем. Его рэп отличался неутолимой энергией и агрессивной харизмой: когда он брал микрофон, казалось, что из него бьёт электрический разряд. На сцене Ли Хек существовал в своём мире — но мире, который он щедро разделял со зрителем. Его движения в танце были резкими, мощными, почти акробатическими, и от него всегда исходил жар, подогревающий остальных.

Так сложилась команда, в которой трое рэперов, три вокалиста и один чистый танцор-рэпер объединились, нарушив все первоначальные расчёты. Но именно эта непредсказуемость и стала залогом того, что Stellar Explosion загорелись не по сценарию — а так, как могут гореть только настоящие звёзды: ярко, неудержимо и надолго.

Нам (значение имени – Король и правитель) – 27 лет, рост 179см. Самый милый, но в то же время мужественный. В свои 27 лет он был не просто красивым — он был тем, чья внешность будто создана, чтобы притягивать взгляды: рост 179 см, природная мускулистость, не требующая изнурительных тренировок, и улыбка, от которой замирали сердца миллионов девушек по всему миру. Но за этой глянцевой картинкой скрывался живой, настоящий человек — добрый, искренний, с душой, открытой миру.

Он родился в Вонджу, в провинции Канвондо, в семье, где с детства знали цену труду и простым радостям. Небольшой семейный ресторанчик родителей не приносил баснословных доходов, но в нём всегда пахло домашней едой и ощущалось тепло. Именно там, среди разговоров с постоянными гостями, среди забот о том, чтобы каждому посетителю было уютно, Ким Нам впитал главное: уважение к людям, почтение к старшим и твёрдое убеждение, что семья — это опора, которую нельзя предавать ни при каких обстоятельствах.

Он не стремился командовать или подавлять, но всегда имел своё мнение, даже если весь мир думал иначе. Эта внутренняя независимость не была бунтарством ради бунта — скорее, способом оставаться верным себе. Он любил всё необычное: от странных безделушек, которые находил на маленьких рынках, до идей, которые другим казались слишком смелыми. Иногда он сам садился за работу, брал в руки

инструменты и мастерил что-то своими руками — не ради похвалы, а чтобы вложить в подарок частичку себя, чтобы тот, кто его получит, почувствовал: его действительно ценят.

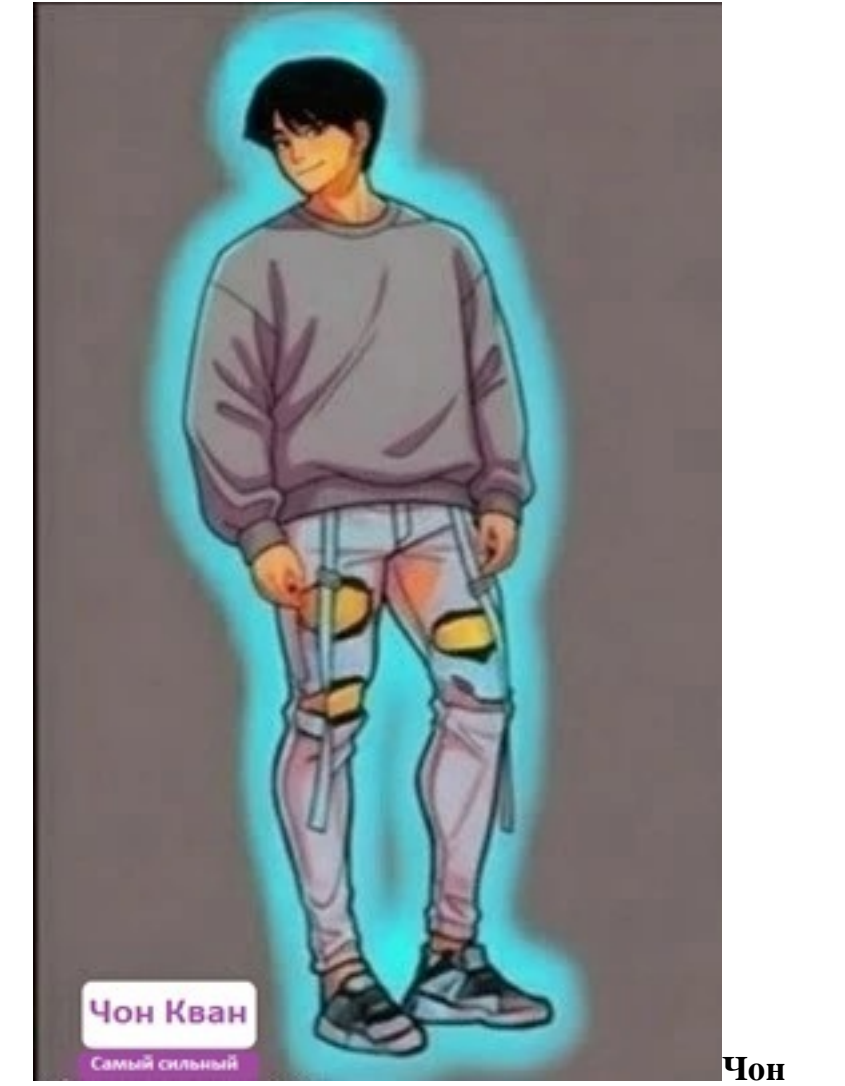
Эмоции Ким Нама никогда не прятались за маской спокойствия. Если он радовался — то так, что хотелось смеяться вместе с ним. Если грустил — в его глазах читалась такая искренняя печаль, что хотелось просто сесть рядом и побыть с ним, не говоря ни слова. Эта открытость делала его уязвимым, но и невероятно притягательным: люди чувствовали, что с ним можно быть настоящими.

На сцене он преображался: голос, мягкий и глубокий, будто обнимал каждого слушателя, а движения в танце были точными, выверенными, но при этом полными жизни. А когда в руках оказывался духовой инструмент, музыка становилась чем-то большим, чем просто звуком — она рассказывала истории, в которых каждый мог узнать себя.

Ближе всех к нему был Чон Кван — их дружба была той самой, что строится не на громких словах, а на молчаливом понимании, на способности подставить плечо без лишних объяснений. С Пак Дуком у него тоже сложились тёплые, надёжные отношения: втроем они могли часами обсуждать новые идеи для песен, спорить о мелочах и тут же смеяться над собственными спорами.

Ким Нам был именно тем человеком, которого хочется назвать неординарным — не потому, что он старался выделиться, а потому, что просто не умел быть как все. И в этом была

его главная магия.

Чон Кван

Самый сильный

Чон

Кван (значение имени – сильный) – 26 лет, рост 179 см. Имя, которое означало «сильный», будто заранее предрекало его путь. И он оправдывал это значение с самого детства: в свои 26 лет он был не просто крепким — он был настоящей стихией, в которой сила сочеталась с точностью, а мощь — с контролем. При росте 179 см его фигура выглядела внушительно, но не громоздко: накачанные мышцы, выточенные годами упорных тренировок, особенно впечатляла широкая, сильная спина — словно опора, на которую можно положиться в любой буре.

С ранних лет спорт стал для него не просто увлечением, а способом говорить с миром на понятном языке. Тхэквондо и кикбоксинг, на ринге или в спарринге он был собран, расчётлив, каждое движение — как отточенная фраза в важном разговоре.

Его глаза поражали глубиной — в них словно отражались все истории, которые он прожил, все сомнения, которые преодолел, и все мечты, которые ещё не сбылись. В них можно было прочесть и твёрдость, и редкую для такого сильного человека уязвимость. Он умел скрывать свои чувства за спокойной полуулыбкой, но близкие знали, что у него очень ранимая душа, которая искренне переживает за каждого, кого впустила в свой круг.

Память у него была феноменальной: стоило пару раз прочитать текст песни — и он уже знал его наизусть, вплоть до интонаций. То же самое было и с хореографией: сложные

связки, десятки движений, синхронные переходы — он схватывал всё мгновенно, будто тело само запоминало ритм. Эта способность делала его незаменимым на репетициях: он мог подсказать другим, где сбился шаг, или напомнить забытую связку, не заглядывая в заметки.

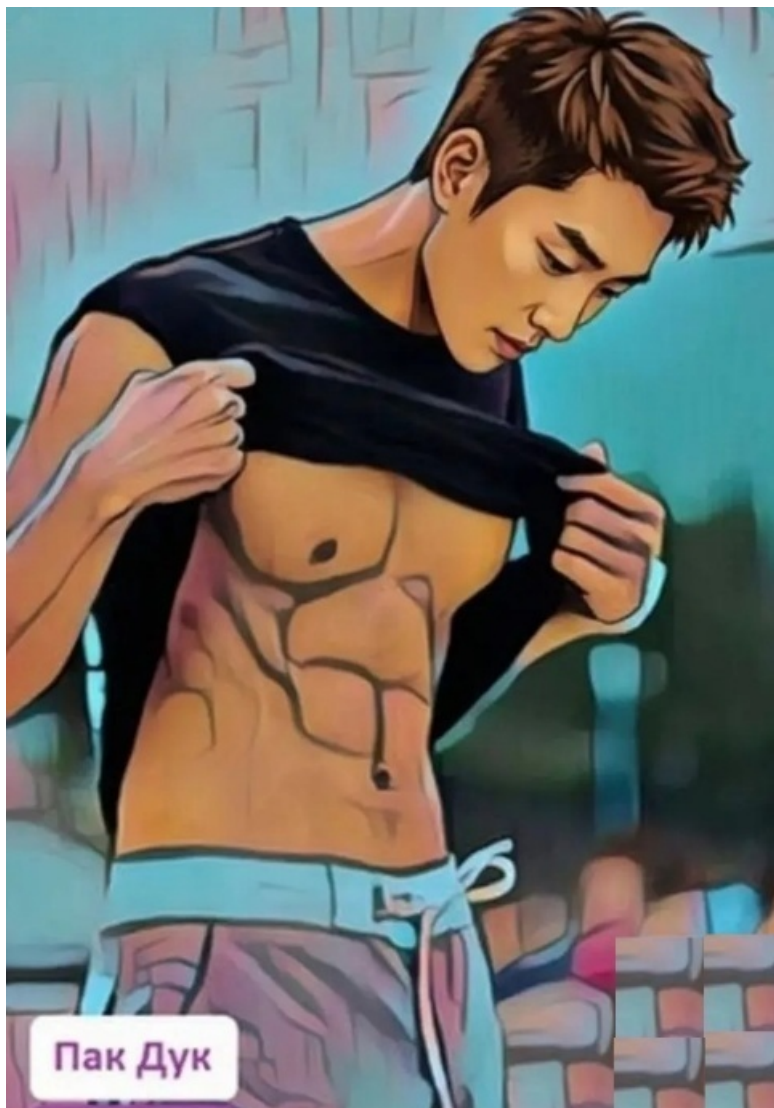
А когда он садился за барабаны, происходило настоящее волшебство. Ударные превращались в голос его внутреннего ритма — то сдержанно-тяжёлого, то бешено-стремительного. В эти моменты вся его сила, вся накопленная энергия обретали форму, выливались в бит, который заставлял вибрировать воздух вокруг. Барабаны были его способом выпустить то, что он не мог выразить словами, — и в этом звуке всегда чувствовалась правда.

Чон Кван обожал путешествовать. Ему нравилось выходить за пределы привычного: бродить по незнакомым улицам, пробовать еду, которую раньше никогда не пробовал, слушать чужую речь и пытаться уловить её мелодию. В поездках он словно перезаряжался: новые места давали ему свежие образы, которые потом превращались в строчки стихов или необычные ходы в аранжировках.

Он вырос в небогатой семье, где деньги были в дефиците, но любви и нежности хватало на всё. Родители, хоть и едва сводили концы с концами, щедро делились с ним и старшей сестрой самым ценным — вниманием, заботой, верой в их будущее. Именно от них он перенял простую, но важную истину: настоящая сила — не в том, чтобы ломать преграды, а

в том, чтобы беречь тех, кто рядом.

В группе Чон Кван был той самой опорой, о которой все знали, но редко говорили вслух. С Ким Намом его связывала особая, почти братская близость — они могли не произносить ни слова, но понимать друг друга с полувзгляда. С Пак Дуком они часто подшучивали друг над другом, разряжая напряжение перед выступлениями. А в моменты, когда кто-то из ребят терял уверенность, именно Чон Кван умел сказать нужные слова — не громкие, не пафосные, а такие, в которых чувствовалась твёрдая поддержка: «Ты справишься. Я рядом».

Пак Дук

Пак Дук

(значение имени – желание) – 27 лет, рост 178 см. имя, означающее «желание», будто хранило в себе всю силу стремлений и мечтаний, которые когда-либо рождались в его душе. В свои 27 лет он был тем самым человеком, рядом с которым даже самый хмурый день становился светлее. При росте 178 см он двигался с непринуждённой грацией, а природная атлетичность — те самые знаменитые кубики пресса — были не результатом изнурительных диет, а просто частью его натуры: он любил движение, любил чувствовать, как тело отзывается на каждый шаг, каждый прыжок, каждый танцевальный проход.

Но если пресса хватало, чтобы заставить замирать сердца поклонниц, то его пухлые, нежные губы добавляли образу ту самую обезоруживающую мягкость — в нём сочеталась яркая, почти дерзкая притягательность и удивительная душевность, перед которой невозможно было устоять.

Он родился и вырос в Сеуле, в семье, где любовь и забота были не роскошью, а ежедневной нормой. Мама — учительница — с детства привила ему уважение к слову, к знаниям, к чужим чувствам. Папа — офисный работник — показал, что настоящая сила мужчины — в умении держать слово и заботиться о близких, даже если день выдался тяжёлым. Семья жила в достатке, и потому ребята в группе в шутку звали его «богатеньким мальчиком», но Пак Дук никогда не поз-

волял деньгам стать стеной между ним и остальными. Да, у него были возможности, которых не было у других, но он пользовался ими не для того, чтобы выделиться, а чтобы сделать чью-то жизнь чуточку легче: то угостит всех любимым десертом, то привезёт из поездки что-то маленькое, но очень нужное.

С детства окружённый теплом, он и сам стал источником этого тепла. Пак Дук знал, как подобрать слова, когда всё валится из рук, как обнять так, что тревога будто растворяется в воздухе. Он искренне верил, что иногда самое сильное лекарство — это просто быть рядом. И потому «обнимашки» стали для него не милой причудой, а настоящим языком любви: он не стеснялся подойти, крепко прижать к себе, шепнуть: «Всё будет хорошо». И в эти секунды даже самые стойкие парни из группы позволяли себе выдохнуть и на мгновение стать просто уставшими людьми, которым нужна поддержка.

На сцене Пак Дук преображался: его вокал нёс в себе и страсть, и нежность, и ту самую искренность, которая цепляла с первой ноты. А в танце он будто жил в ритме, который слышал только он, — и заражал этим ритмом всех вокруг. Его харизма не подавляла, а собирала людей воедино, заставляла чувствовать себя частью чего-то большого и важного.

В коллективе он был тем, кто сглаживал острые углы, кто первым замечал, если кто-то из ребят устал или пережива-

ет, и тут же находил способ вернуть улыбку. Он обожал всех своих хёнов и младших, искренне гордился тем, что они — одна команда, и не уставал напоминать об этом в самые напряжённые моменты. Для него группа была не просто работой и не просто славой — это была семья, которую он выбрал сам.

И когда после долгого дня, полного репетиций, съёмок и бесконечных правок, все собирались вместе, именно Пак Дук первым тянулся за объятиями, первым предлагал просто посидеть, поговорить ни о чём, первым смеялся над самой нелепой шуткой. В нём было столько света и доброты, что, казалось, он способен согреть даже самый холодный вечер. И, возможно, в этом и заключалось его главное желание — чтобы каждый, кто рядом, чувствовал себя нужным, любимым и не одиноким.

Юонг Хо (значение имени – храбрый тигр) – 29 лет, рост 181 см. В нём действительно жила эта внутренняя мощь тигра — но не кричащая, не рвущаяся наружу, а тихая, собранная, словно сжатая пружина, готовая раскрыться в нужный момент. В свои 29 лет, при росте 181 см, он казался человеком, который всегда знает, что делает — и при этом никогда не спешит это доказывать.

Юонг Хо был самым спокойным в группе, почти невозмутимым. Он редко повышал голос, ещё реже позволял эмоциям взять верх — словно заранее выстроил вокруг себя невидимую, но прочную стену, за которой можно было не торопиться, не суетиться, а просто думать. Чаще всего он и правда был погружён в свои мысли — и, если присмотреться, почти всегда держал в руках телефон или планшет. Это не было привычкой бездумно листать ленту: в этих гаджетах рождалась музыка. В любую свободную минуту — в ожидании перед съёмкой, в полутёмном коридоре концертного зала, в трясущемся вагоне метро — он записывал обрывки мелодий, набрасывал рифмы, выстраивал аранжировки. К 29 годам он создал больше двухсот песен, и каждая из них была не просто набором строк и аккордов, а маленьким миром, куда он аккуратно складывал свои наблюдения, переживания и тишину, которую умел слышать там, где другие слышали только шум.

Его улыбка появлялась редко — и оттого казалась особенно ценной. Когда она всё-таки расцветала на его лице, она

была удивительно красивой: не широкой, не показной, а чуть застенчивой, будто он сам немного удивлялся тому, что сейчас ему действительно смешно или радостно. И в эти мгновения в нём проглядывал не строгий продюсер и не «тигр», а просто человек, которому вдруг стало хорошо.

Детство Юонг Хо было не таким, как у остальных ребят. Его растил отец — один, без чьей-либо помощи, без лишних слов, но с твёрдой, надёжной любовью. Мама уехала за границу, когда он был ещё совсем маленьким, и эта пустота оставила в нём осторожное, бережное отношение к привязанности. Именно поэтому он настороженно смотрел на женский пол: не из обиды, а из привычки не доверять слишком быстро, не подпускать близко, пока не убедится, что рядом — настоящее.

При первом знакомстве Юонг Хо не спешил раскрываться. Он мог отвечать односложно, держаться чуть отстранённо, наблюдать, слушать. Кому-то это казалось холодностью, но те, кто оставался рядом и не торопил его, вскоре узнавали, какой он на самом деле. В неспешной беседе он становился удивительно интересным собеседником: говорил не ради того, чтобы заполнить тишину, а потому что ему было что сказать. Он замечал детали, умел видеть связи между, казалось бы, несвязанными вещами, и его рассуждения часто заставляли других взглянуть на привычное под новым углом.

В группе он был не просто рэпером и автором — он был её музыкальным стержнем. Когда остальные спорили о зву-

чании, о куплетах, о том, как лучше подать песню, Юонг Хо спокойно доставал планшет, что-то быстро набирал, нажимал «плей» — и все замолкали. Потому что в этих нескольких тактах уже было решение: мелодия, которая собирала всё воедино. Он одинаково уверенно чувствовал себя и за фортепиано, и с гитарой в руках, и у микрофона, и в продюсерской кабинке, где часами сводил дорожки, добиваясь именно того оттенка, который слышал только он.

С ребятами он держался ровно, но по-своему очень тепло. Не сыпал комплиментами, не устраивал громких признаний, но всегда был там, где нужен: подскажет строчку, поправит ритм, тихо скажет: «Попробуй вот так», и это «так» вдруг окажется тем самым, что превратит хороший трек в отличный. Для него музыка была языком, на котором он говорил свободнее всего, — и именно через неё он чаще всего и выражал свою привязанность к команде.

Ким Юонг Хо был тем самым «тигром», который не рычит, чтобы напугать, а ждёт подходящего момента, чтобы сделать шаг — точный, сильный и единственно верный. И в этом спокойствии, в этой собранности, в этих двухстах песнях, написанных в тишине между делами, и была его настоящая сила.

Доунг (значение имени — мужественный) — 30 лет, рост 180см. Он двигался с той самой непринуждённой грацией, которая заставляет людей невольно оборачиваться. Настоящий красавчик — и да, он умел этим пользоваться, но не как оружием, а как частью своей натуры: лёгкая улыбка, чуть приподнятая бровь, пара слов, сказанных так, что собеседница сама не замечала, как уже смеётся и рассказывает чуть больше, чем собиралась. Он словно плел невидимые сети обаяния — и делал это так естественно, что никто не чувствовал себя пойманным, все просто хотели быть рядом чуточку дольше.

При этом Чунг Доунг был единственным в группе, кто официально окончил музыкальную академию — но ни разу не упомянул об этом в интервью, не носил это достижение как медаль. Для него образование было не поводом для гордости, а фундаментом: тем самым прочным основанием, на котором он строил свои партии, свои идеи, свои эксперименты со звуком. Он мог сесть за фортепиано и сыграть что-то сложное, виртуозное, но при этом никогда не стремился затмить других — скорее, хотел дополнить, сделать общую музыку богаче, глубже, интереснее.

Он вырос в большой, шумной, но очень тёплой семье: два младших брата и сестра, с которыми вечно приходилось то мирить, то спасать, то просто быть тем самым старшим, на которого все смотрят. Семья жила в достатке, но родители с детства приучили его, что внимание и время — гораздо цен-

нее денег. Именно поэтому, даже став известным, он остался тем самым парнем, который первым предложит помощь, первым заметит, если кто-то устал, и первым же пошутит, чтобы снять напряжение.

Флирт был для него не способом покорять, а формой общения — лёгкой, игривой, почти как спорт. Он подшучивал над всеми: над ребятами из группы, над менеджерами, над самим собой. Иногда это были тонкие, едва уловимые колкости, иногда — откровенные розыгрыши, после которых все хохотали до слёз. И в этом была его магия: он умел разрядить самую тяжёлую атмосферу одной фразой, одним взглядом, одним движением.

А ещё он обожал баскетбол. На площадке он становился другим — сосредоточенным, быстрым, азартным. Ему нравилось чувствовать ритм игры, читать движения соперников, предугадывать, куда полетит мяч. Это была его личная медитация: когда всё лишнее отступало, и оставались только он, мяч и сетка. После долгих репетиций, бесконечных правок и напряжённых обсуждений он мог просто взять мяч, выйти на площадку — и снова почувствовать, что мир устроен просто и понятно.

В группе Чунг Доунг был тем самым звеном, которое не давало никому застояться. Он подначивал Юонг Хо выйти из своей «раковины» и рассказать хоть одну смешную историю из детства, поддразнивал Пак Дука за его вечные обнимашки, хитро улыбался, когда Ким Нам всерьёз рассуждал

о смысле жизни, и тихо, почти незаметно поддерживал Чон Квана, если тот замыкался в себе после тяжёлого дня.

С ним было легко. Даже когда он шутил слишком остро, даже когда флиртовал чересчур уверенно, даже когда казался самым беззаботным из всех — в нём всегда чувствовалась надёжность. Он был тем, кто мог рассмешить в самый мрачный момент, кто знал, как превратить рутину в приключение, и кто, несмотря на всю свою внешнюю лёгкость, глубоко понимал музыку — и людей. И именно это сочетание делало Чунг Доунга незаменимым: не просто красивым лицом группы, а её живым, пульсирующим сердцем, которое билось в ритме шуток, мелодии и искреннего тепла.

Куан (значение имени — солдат) — 31 год, рост 183 см. И в нём действительно жила эта внутренняя дисциплина солдата, унаследованная не из книг, а из самой жизни. В свои 31 год, при росте 183 см, он держался прямо, будто даже в обычной футболке и джинсах оставался в форме — собранный, внимательный, всегда будто на шаг впереди остальных. Он был самым старшим в группе, её официальным лидером — и не потому, что громче всех говорил или жёстко командовал, а потому, что к нему прислушивались: за его спокойствием чувствовалась ответственность, которую он нёс без пафоса, как привычную ношу.

Он родился в Пусане и рос старшим сыном в семье, где слово «дисциплина» не было пустым звуком: отец служил в армии, и дом жил по чёткому распорядку, где у каждого были свои обязанности и своя зона ответственности. Рядом был младший брат, и на Куана с детства ложилась тихая, но важная роль — быть опорой, примером, тем, кто не подведёт. Эта выученная надёжность осталась с ним навсегда: он любил, чтобы всё шло по плану, чтобы в делах был порядок, чтобы хаос не брал верх над смыслом. И он не просто сам следовал этому правилу — он мягко, но настойчиво приучал к этому и остальных участников группы. Не ради контроля, а ради того, чтобы они могли сберечь силы для главного — для музыки.

Куан был не просто лидером, а человеком, который умел видеть картину целиком. Его называли самым умным в кол-

лективе — и дело было не только в природной сообразительности, но и в широте кругозора. Помимо родного корейского, он свободно владел английским и китайским, а ещё немного знал русский — благодаря тёте, жене дяди, у которой были русские корни. Он не кичился этим знанием, но в нужные моменты оно выручало: в интервью за границей, при работе с иностранными продюсерами, в переписке с фанатами. Для него языки были не украшением, а инструментом — способом не терять связь с миром.

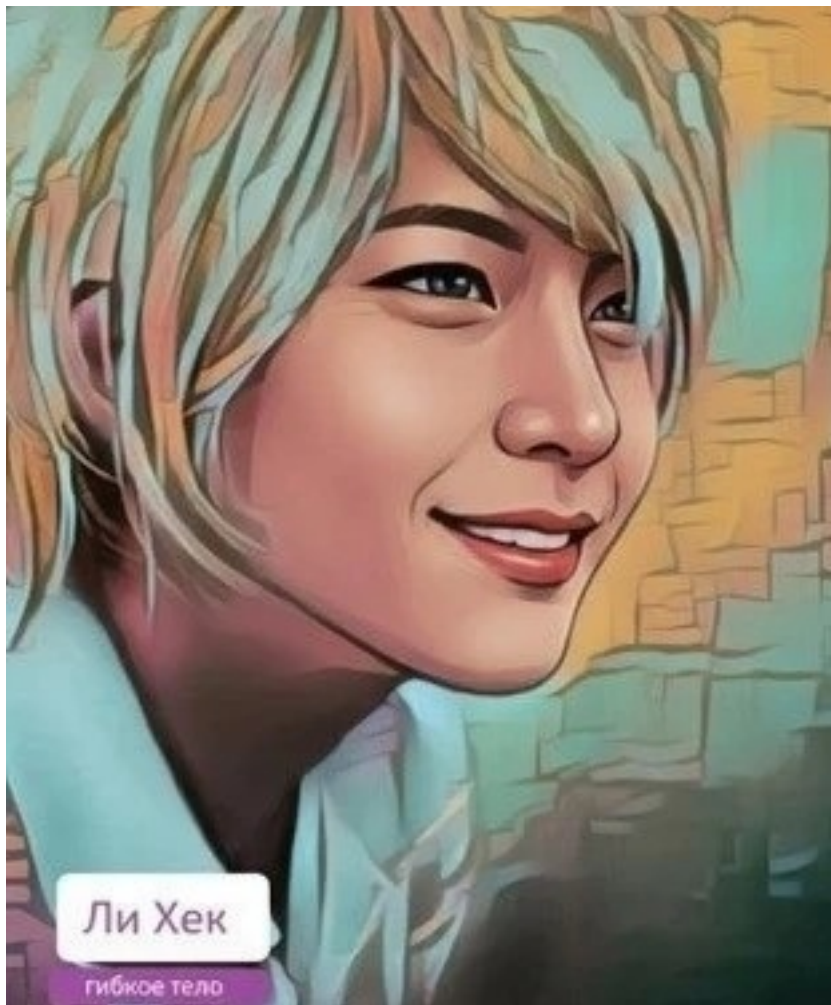
В группе к нему относились с особым уважением. Ребята в шутку называли его «папой», а он в ответ лишь усмехался, но в глубине души был этим по-настоящему тронут. Он искренне любил своих «групповых детей» — так он сам их называл, — и эта любовь выражалась не в громких словах, а в заботе о мелочах: проследить, чтобы все успели поехать перед концертом, напомнить о визите к врачу, настоять на дне отдыха после изнурительного тура. Иногда он был строг, иногда — невероятно терпелив, но всегда оставался тем, к кому шли за советом, когда всё шло наперекосяк.

При всей своей собранности и любви к порядку, Лим Куан не был холодным человеком. Просто его тепло проявлялось иначе: в том, как он терпеливо разбирал чужие идеи, даже если они казались бесперспективными; в том, как умел найти нужные слова, когда кто-то из ребят терял веру в себя; в том, как незаметно брал на себя лишнюю нагрузку, чтобы другим было чуть легче. Он не стремился быть в центре вни-

мания на сцене — но именно его присутствие делало команду цельной, собранной, готовой к любым испытаниям.

Для участников группы он был не просто лидером, а якорем. Когда эмоции зашкаливали, когда усталость подступала к горлу, когда казалось, что ничего не получается, — рядом был Куан. Спокойный, уверенный, с этим своим чуть усталым, но твёрдым взглядом, он тихо говорил: «Давайте сделаем по порядку. Сначала это. Потом вот это. Остальное подождёт». И после этих слов хаос начинал складываться в понятный план, а тревога отступала.

Лим Куан был тем самым «солдатом», который не рвался в бой ради славы, а стоял на страже того, что ему было дорого: своей команды, их общего дела, их будущего. И в этом тихом, ежедневном лидерстве, в умении держать строй даже тогда, когда всё вокруг рушилось, и заключалась его настоящая сила.

Хек (значение имени – сияющий) – 30 лет, рост 177см. он

будто излучал свет — не тихий и спокойный, а яркий, дерзкий, почти ослепляющий. Он был самым харизматичным в группе: стоило ему выйти на сцену, как зал мгновенно загорался, отзываясь криками, аплодисментами и сотнями поднятых телефонов. Он разбил не одно девичье сердечко — и не потому, что старался, а потому, что просто был собой: живым, импульсивным, бесконечно притягательным.

Он обожал танцевать — и это была не просто часть работы, а его способ дышать. Ещё до того, как он попал в группу, Ли Хек успел победить в пяти танцевальных конкурсах по всей стране. Каждый трофей, каждая грамота были не просто наградами — это были вехи его пути, доказательства того, что он умеет говорить телом то, что не всегда получается выразить словами. На сцене он будто растворялся в ритме: резкие повороты, взрывные прыжки, плавные переходы — всё сливалось в единый поток энергии, который невозможно было игнорировать.

Ли Хек родился в Сеуле, в семье, где творчество было не хобби, а образом жизни. Родители не навязывали ему свои взгляды, но с детства показывали, что искусство — это смелость быть искренним. Он рос единственным ребёнком, и потому немного разбалованным — но не капризным, а уверенным в том, что мир открыт для него и готов принять его идеи. Эта уверенность позже стала его суперсилой: он не боялся экспериментировать, не боялся выглядеть странно, не боялся ошибаться.

Именно поэтому он так любил снимать танцевальные видео для соцсетей. Для него это был не способ собрать лайки, а возможность показать свой танец без фильтров — в коридоре, на пустой улице, в полутёмной студии. Он мог схватить телефон, включить любимый трек, сделать пару движений — и вот уже кадр, в котором вся его страсть к танцу. Фанаты обожали эти ролики: в них не было постановочной красоты, зато была настоящая жизнь — с неровным светом, случайными прохожими на фоне и его неподдельной энергией.

А ещё Ли Хек постоянно влипал в истории с девушками. Не из-за желания покорять, а скорее из-за своей открытости и импульсивности: он говорил то, что думал, смеялся над тем, что смешно, и не умел притворяться равнодушным. Иногда это приводило к забавным недоразумениям, иногда — к неловким разговорам, а иногда — к неожиданным дружбам. Ребята в группе только качали головами и улыбались: «Ну вот, опять Хек устроил мини-драму». Но никто не мог на него сердиться долго — он так искренне переживал из-за своих промахов и так заразительно смеялся над собой, что обижаться на него было просто невозможно.

В коллективе он был тем самым искрящимся элементом, который не давал никому застояться. Он подначивал спокойного Юонг Хо показать какой-нибудь танцевальный трюк, смеялся вместе с Паком Дуком над самыми нелепыми шутками и умудрялся даже серьёзного Лим Куана заставить улыбнуться, когда тот в очередной раз пытался навести

идеальный порядок в расписании. С Чон Кваном они иногда устраивали мини-баттлы прямо в коридоре — не ради победы, а ради того самого чувства, когда движение становится свободой.

Ли Хек не стремился быть идеальным — он хотел быть настоящим. И в этом была его главная притягательность: он сиял не потому, что надел самую яркую одежду или выучил самые сложные па, а потому, что танцевал так, будто от этого зависела вся его жизнь. И, возможно, так оно и было. Ведь для него танец был не просто движением — это был язык, на котором он говорил с миром, с друзьями, с самим собой. И мир с радостью ему отвечал.

За каждым ярким выступлением группы, за каждой отснятой сценой и каждым удачным релизом стояла целая команда людей — и в агентстве Stellar Explosion они были не просто сотрудниками, а важнейшей опорой для артистов.

Чон Хан, генеральный директор агентства, был человеком, который держал в поле зрения всю картину целиком. Он не мелькал на публике, не раздавал интервью о «великом будущем группы» — вместо этого он выстраивал стратегию, просчитывал риски и следил, чтобы у ребят были все условия для творчества. Его уважали за хладнокровие в кризисах и за умение сказать жёсткое «нет» там, где другие поддавались эмоциям. Для него группа была не просто проектом, а делом, в которое он вкладывал репутацию и имя.

Мун Ван, главный менеджер группы, отвечал за то, чтобы

всё работало как часы. Он знал расписание каждого участника до минуты, держал связь с площадками, телеканалами, организаторами туров и при этом умудрялся помнить, кто из ребят не пьёт кофе, а кому обязательно нужно полчаса тишины перед выходом на сцену. Мун Ван был тем самым человеком, к которому бежали с любой проблемой — и он либо решал её сам, либо мгновенно находил того, кто решит. Его спокойствие было заразительным: если Мун Ван говорил «всё под контролем», даже в самые хаотичные дни все действительно начинали верить, что так и есть.

Рядом с ним плечом к плечу работали Юн Мин Дже, Цой Ким и Ли Кан — менеджеры группы, каждый из которых взял на себя свою зону ответственности. Юн Мин Дже отвечал за логистику и быт: от брони отелей до того, чтобы в гримёрке всегда были любимые снеки ребят. Цой Ким курировал репетиционный процесс, координировал хореографов, звукорежиссёров и постановщиков, следил, чтобы все элементы шоу идеально стыковались. Ли Кан занимался коммуникацией внутри команды: он замечал, когда кто-то из участников начинал выгорать, и мягко, но настойчиво организовывал для него передышку, а ещё следил за тем, чтобы мелкие конфликты не разрастались в большие проблемы. Вместе эта тройка создавала ту самую невидимую, но жизненно важную инфраструктуру, без которой ни один артист не может стабильно работать.

Отдельным, но не менее важным фронтом была работа с

публикой — и здесь главной фигурой была Ли Со Ён, PR-менеджер. Она чувствовала настроение фан-базы, знала, какой пост вызовет восторг, а какой — недоумение, и выстраивала коммуникацию так, чтобы между группой и поклонниками всегда оставалась искренность, даже сквозь официальные каналы. Ли Со Ён не пыталась приукрасить реальность, но умела показать её с самой выигрышной стороны: трогательные моменты за кулисами, упорный труд на репетициях, живые эмоции ребят — всё это становилось частью истории группы, которую фанаты хотели узнавать снова и снова.

А ещё были десятки других специалистов — ассистенты, водители, костюмеры, визажисты, администраторы площадок, — каждый из которых вносил свой вклад в то, чтобы группа могла просто выходить на сцену и делать то, ради чего они жили: дарить музыку.

Для самих участников группы эти люди были не безликой «командой агентства», а почти семьёй. Они знали, что за их спинами стоят те, кто не даст сорваться графику, кто найдёт выход из любой непредвиденной ситуации, кто тихо напомнит, что пора поесть, когда все уже забыли про время. И когда после долгого концерта уставшие, но счастливые ребята садились в автобус, чтобы ехать на следующий город, они точно знали: пока рядом есть Чон Хан, Мун Ван, Юн Мин Дже, Цой Ким, Ли Каня, Ли Со Ён и все остальные, им не о чем беспокоиться. Потому что их тылы надёжно прикрыты — и это давало им свободу сиять по-настоящему.

Глава 2. Как все начиналось.

Москва, тёплый майский вечер, легкий ветерок, слегка колышущий одежду. Воздух, напоённый ароматом цветущей весны и закатное солнце окрашивало фасады домов в нежно-золотистые тона. Я и моя лучшая подруга Соня возвращались домой. После долгого рабочего дня наши плечи наконец расслабились, а в груди разливалось то самое тихое предвкушение чего-то хорошего.

Выйдя из метро, мы вдруг замерли, словно наткнувшись на всплеск чистой энергии. Вокруг собралась небольшая толпа: люди улыбались, снимали на телефоны, кто-то подбадривающе хлопал в ладоши. В самом центре этой импровизированной сцены, танцевала девушка. Колонка стояла рядом, и ритмичные звуки К-поп вырывались наружу, заполняя пространство драйвом. Она двигалась так свободно, так искренне, будто весь мир существовал лишь для этого танца, а она — для музыки.

Я стояла, замороженная, будто под гипнозом. Взгляд цеплялся за каждое её движение — чёткое, отточенное, но при этом полное жизни. И вдруг что-то внутри щёлкнуло: эмоции прорвались наружу, и я, не в силах сдержать порыв, шагнула вперёд. Ноги сами подхватили ритм, тело вспомнило все те часы, что мы с Соней проводили перед зеркалом, повторяя движения любимых айдолов. Я вплелась в танец, словно репетировала его не один раз, а сотни. И это было не подражание — это было единение.

Мы двигались в унисон, будто знакомы с рождения, будто танцевали вместе всю жизнь. Толпа вокруг подбадривала нас, кто-то выкрикивал слова песни, кто-то просто смеялся от радости. В тот момент не существовало ни усталости, ни забот — только музыка, движение и это невероятное чувство свободы.

Девушку звали Катя. Позже, когда дыхание немного выровнялось, а аплодисменты стихли, мы познакомились. В ней удивительным образом сочетались две культуры: по папе она была корейкой, по маме — русской. Этот интересный микс отражался даже во внешности: чёрные волосы, уложенные в удлинённое каре, обрамляли лицо, а серо-голубые глаза, не типичные для корейки, смотрели на мир с живым любопытством. В её улыбке было что-то родное, будто мы знали друг друга много лет.

Оказалось, что у нас столько общего! Дорамы, корейская музыка, танцы — мы болтали без умолку, перебивая друг друга, вспоминая любимые сцены и самые крутые хореографии. С того вечера мы стали неразлучны. Теперь наши прогулки по улочкам города были наполнены разговорами о новых треках, мы забегали в уютные кафе, чтобы обсудить последнюю серию дорамы, а потом снова кружились в танце прямо на тротуаре, не обращая внимания на прохожих. Катя учила нас корейскому: сначала простым фразам, потом всё более сложным. Иногда она нарочно говорила с нами только на нём, хитро улыбаясь, когда мы в очередной раз пута-

ли окончания. Её настойчивость смешивалась с добротой — она не смеялась над ошибками, а терпеливо поправляла, радуясь каждому нашему успеху.

Однажды вечером мы собрались у Сони дома, чтобы посмотреть новую драму. Уютно устроившись на диване с чашками горячего чая и миской попкорна, мы уже предвкушали пару часов чистого удовольствия. Но Катя вдруг сделала паузу, посмотрела на нас с озорной улыбкой и выпалила новость: её бабушка из Кореи ужасно соскучилась и зовёт её в отпуск к себе погостить.

Соня и я переглянулись: в глазах у обеих мелькнула лёгкая тень белой зависти. Представить только — Корея, страна, о которой мы столько мечтали, которую столько раз видели на экранах... Но прежде чем мы успели вздохнуть, Катя снова заговорила, и её слова прозвучали как настоящий подарок: она договорилась с бабулей, и та не против, если мы все трое поживём в её доме!

В ту же секунду тишина квартиры взорвалась. Крики, визги, смех — мы носились по комнате, обнимались, прыгали, не в силах сдержать эмоции. Казалось, даже стены дрожали от нашего восторга. Многоэтажный дом, наверное, ещё никогда не слышал столько счастья в одной квартире. Самая затратная часть поездки испарилась сама собой, а уж билеты в Сеул нам по карману. Весь оставшийся вечер мы провели в радостной суете: планировали, что возьмём с собой, какие места обязательно нужно посетить, какие блюда попро-

бовать. А главное — наша мечта становилась реальностью!

Я и Соня твёрдо решили: во что бы то ни стало мы поедём в Корею. Мы прошерстили весь интернет, сравнивали цены, отслеживали спецпредложения, искали самые дешёвые билеты. Каждый найденный вариант вызывал новый всплеск восторга. И вот, наконец, заветные бронирования были сделаны. Впереди нас ждала страна, полная чудес, и приключение, которое навсегда изменит нашу жизнь.

И вот настал тот самый долгожданный момент — перелёт. Сердце билось где-то у самого горла, а внутри всё дрожало от счастья и предвкушения: впереди ждали приключения, о которых мы столько мечтали. Каждая секунда казалась драгоценной, и всё же время будто нарочно замедлялось, испытывая наше терпение.

Сначала рейс задержали на три часа. Для кого-то это просто цифры на табло, а для меня эти часы растянулись в целую вечность. Я то и дело поглядывала на экран, будто могла силой мысли заставить цифры двигаться быстрее. Хотелось поскорее оказаться там, в Корее, вдохнуть её воздух, увидеть улицы, по которым гуляли герои любимых дорам, почувствовать, что мечта наконец становится реальностью.

Когда посадка всё-таки началась, я выдохнула с таким облегчением, будто уже преодолела половину пути. В самолёте мы устроились рядом, сжимая в руках наушники и пледы, будто это были талисманы, обещавшие, что всё будет хорошо. Первые минуты полёта казались волшебными: город

внизу рассыпался огнями, словно кто-то рассыпал по земле тысячи крошечных звёзд, а потом земля исчезла в облачной дымке, и остался только гул двигателей, мерное покачивание и ощущение, что мы летим навстречу чему-то огромному и прекрасному.

Но девять часов полёта — это испытание даже для самых неустойчивых мечтателей. Время тянулось тягуче, как густой мёд: фильмы сменяли друг друга, разговоры становились всё тише, а глаза всё чаще закрывались сами собой. Мы пытались держаться бодрыми, шутили, делились ожиданиями, но усталость постепенно брала своё. Пледы обернулись вокруг плеч, головы склонялись к окнам, а разговоры сменялись тишиной, нарушаемой лишь тихим шелестом страниц, музыкой в наушниках да редкими фразами бортпроводников.

И вот, когда, казалось, мы уже разучились чувствовать что-либо, кроме усталости, пейзаж за иллюминатором начал меняться. Облака расступились, открывая вид на землю, на город, сверкающий огнями даже в предрассветной полутьме. Самолёт пошёл на снижение, и в груди снова вспыхнуло то самое чувство — острое, живое, почти обжигающее: мы почти на месте.

Вымотанные, с тяжёлыми веками и синяками усталости под глазами, мы смотрели в иллюминатор, не в силах оторвать взгляд. Каждый метр приближения к земле был как новый шаг в другую жизнь. И когда колёса коснулись полосы, раздался тихий, но такой долгожданный гул тормозов — и

мы поняли: мы здесь. Корея. Та самая страна, о которой мы столько говорили, которую столько раз видели на экранах, а теперь она была настоящей, живой, ждала нас за пределами аэропорта.

Мы переглянулись — и в этом взгляде не было слов. Только улыбки, немного дрожащие от эмоций, и тихое понимание: всё только начинается.

Первое, что я сделала, сойдя с трапа — широко распахнула глаза, пытаюсь вместить в себя невероятный вид здания аэропорта. Казалось, под этой огромной стеклянной крышей архитекторы решили вырастить собственный лес. Огромные деревья уходили кронами в самый потолок, а бесчисленные экзотические растения превращали строгий хай-тек терминал в настоящие джунгли. Мечта официально началась.

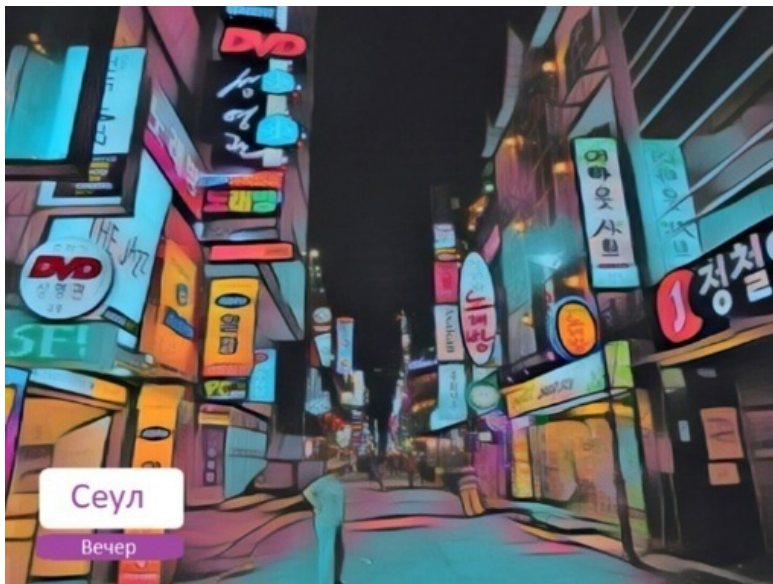
Сеул встретил нас солнечной погодой — яркой, щедрой, будто сам город радовался нашему приезду. Усталость, копившаяся все эти часы в самолёте, растворилась за считанные секунды, как дым на ветру. Вместо неё внутри вспыхнуло чувство окрылённости — лёгкое, пьянящее, похожее на то, когда стоишь на краю чего-то большого и знаешь: сейчас начнётся самое интересное. Мы достигли цели, и мир вдруг стал ярче, сочнее, живее.

До дома бабушки Кати мы добрались на автобусах. Сквозь окно мелькали улицы, витрины, вывески — всё было новым, незнакомым, манящим. И вот наконец нужный поворот, тихий переулок, аккуратный домик с цветущими кустами у

входа. Добродушная старушка встретила нас у порога с тёплой, искренней улыбкой и поприветствовала на русском — будто знала, как сильно нам сейчас нужна частичка чего-то родного. Мы с Соней, старательно вспоминая уроки Кати, поклонились в ответ и поздоровались на корейском. В этом поклоне было не только уважение, но и робкая благодарность — за то, что нас принимают, открывают дверь в свой дом.

Нас троих разместили в небольшой, но уютной комнате. Напротив входа стояла односпальная кровать, на ней аккуратно лежали три матраса и стопка постельного белья. Мы быстро и без споров решили: хозяйка будет спать на кровати, а мы с Соней устроимся на полу. В этом не было ни капли неудобства — наоборот, это ощущалось как начало настоящего приключения: спать в одной комнате, шептаться в темноте, делить на троих каждый момент. Немного вздемнули.

Уже стемнело, но мы единогласно решили не откладывать счастье на завтра. Не могли ждать ни минуты. Хотелось выпить этот город до дна, прямо сейчас. И мы отправились бродить по улицам, заглядывая в понравившиеся магазины и уличные кафе.

Ночной Сеул был волшебным. Миллионы разноцветных вывесок рассыпались по фасадам, переливаясь всеми оттенками радуги. Надписи на корейском и английском сплетались в причудливый узор: ничего не понятно, но так красиво, что хочется просто стоять и смотреть, впитывая эту энергию. Для Кати же в этом узоре не было тайн: она уверенно вела нас сквозь толпу, ведь многие улочки были ей знакомы с малых лет. Девушка то и дело указывала на уютные, полюбовавшиеся ещё в детстве уголки, делаясь тёплыми воспоминаниями о былых временах. Глаза разбегались от обилия дета-

лей: яркие ларьки, неоновые огни, спешащие прохожие, ароматы, плывущие из открытых дверей. Хотелось попробовать всё и сразу — каждый запах, каждый вкус, каждую улицу, особенно когда Катя так вкусно рассказывала о кулинарных чудесах из своего детства.

Наше внимание тут же притянули уличные ларьки с едой. Мы замерли перед одним из них, где над паром плясали аппетитные палочки токпокки. Конечно, мы не могли пройти мимо — ведь столько раз видели их в дорамах, столько раз Катя рассказывала, как это вкусно. Токпокки оказались похожи на большие макароны без отверстия — только из рисовой муки. На вкус — будто тесто внутри чуть-чуть недоваренное: упругое, нежное, обволакивающее. Я попросила сделать не остро, потому что не переношу жгучие блюда. Оказалось, что «не остро» по-корейски — это всё равно с огоньком, но даже этот лёгкий жар был приятным, добавлял блюду характера. И мне безумно понравилось — в этом вкусе было что-то настоящее, живое, Сеульское.

Чуть дальше, словно маяк среди городских огней, сиял огромный торговый центр — он притягивал взгляд ещё издалека, переливаясь миллионами лампочек, мы направились именно туда. Нам нужно было кое-что купить: мне — солнечные очки (свои я забыла, а от яркого солнца глаза начинали слезиться), Соне — предметы личной гигиены, Кате — лекарства для бабушки. Не теряя времени, мы договорились встретиться на этом же месте через полчаса и разошлись по

разным магазинам.

И вот я шла по торговому центру, а вокруг звенели голоса, мелькали витрины. И в этом шуме, в этой суете, среди незнакомых вывесок и запахов, я вдруг почувствовала: мы здесь. В самом сердце Сеула. И впереди — целый город, полный историй, которые только ждут, чтобы мы их прожили.

Мне нужно было спуститься всего на один этаж. Я зашла в кабину лифта и ахнула: она была роскошной — облицованная чем-то светлым и блестящим, с огромными зеркалами от пола до потолка, в которых отражались и я, и мягкий свет, и абстрактный узор на потолке. Ещё одна маленькая деталь этого нового, незнакомого мира, в котором каждая мелочь казалась значительной.

Двери плавно закрылись, кабина тихо тронулась, и в этот момент телефон тихо звякнул в кармане. Сообщение от мамы. Я открыла чат, и сердце сжалось: наша Берта — наша собака, наша домашняя любимица — всю ночь чувствовала себя очень плохо. Утром отвезли к ветеринару, оказалось, что отравилась. Пришлось сделать укол, но после него стало гораздо лучше, и сейчас она уже приходит в себя. Мама писала спокойно, но я знала её: за этим спокойствием стояла бессонная ночь, проведённая рядом с пушистым комочком, который не понимал, что с ним происходит. Я с облегчением выдохнула, быстро набрала в ответ что-то тёплое, отправила сердечко и продолжала перечитывать сообщение, мысленно представляя Берту, грустно заглядывающую в глаза...

И тут двери лифта распахнулись.

Я вышла на автомате, по инерции сделав несколько шагов вперёд, всё ещё держа телефон в руках и прокручивая в голове мысли о собаке. Подняла голову — и остановилась как вкопанная. Передо мной возвышались серые бетонные стены, ряды колонн с крупными номерами, и между ними, ровными шеренгами, стояли припаркованные автомобили. Парковка. Подземная парковка торгового центра.

Вот блин, не туда приехала, мелькнуло в голове. Ругая себя за рассеянность, я развернулась и уже направилась обратно к лифту, как вдруг — резкий, отчаянный крик разорвал гулкую тишину подземелья.

Я обернулась мгновенно, и всё, что увидела дальше, будто распалось на кадры замедленной съёмки.

Четыре крупных мужика в чёрных масках схватили двух парней и тащили их к фургону с затемнёнными стёклами. Парни отбивались, кто-то из них кричал, другой пытался вырвать руку, но четверо против двоих — это не драка, это грубая, безжалостная сила, подавляющая любое сопротивление. От фургона тянуло холодом и чем-то тревожным, неоновые лампы парковки отбрасывали на лица масок жёсткие тени.

Руки затряслись. Я судорожно полезла в телефон, пытаюсь набрать номер полиции, но пальцы не слушались, срывались, путались в контактах. Не успела. Один из мужчин, заметив меня, рванул вперёд, и телефон вылетел из моих рук — хрупкий, лёгкий, совершенно беспомощный оказался в его

огромной ладони.

И тогда что-то внутри щёлкнуло. Не страх, не паника, а что-то древнее, инстинктивное, звериное. Тело вспомнило то, что разум в этот момент забыл: часы тренировок, отработанные до автоматизма движения, инструкции наставника, его хриплый голос, повторяющий одно и то же: «Не думай. Бей».

Я ударила в висок. Кулак вошёл точно, скуластый, жёсткий. Мужчина качнулся, и я тут же, без паузы, нанесла второй удар — в солнечное сплетение, вложив в него всю силу, на которую была способна. Он согнулся, хватаясь за грудь, и на секунду его хватка ослабла.

На парковке повисла мгновенная, оглушительная тишина. Все замерли. И похитители, и их жертвы смотрели на меня с одинаковым выражением: чистого, незамутнённого недоумения. Эта маленькая, хрупкая девчонка только что набросилась на взрослого мужика с кулаками. Это не укладывалось ни в каких сценариях.

Шок длился секунду. Потом один из похитителей, самый рослый, выругался и прокричал:

— Хватай и её тоже!

Я рванулась, пытаюсь отступить к лифту, но ноги путались, а пространство вокруг словно сжалось. Кто-то из них оказался быстрее. Самый маленький из четверых подскокил сбоку, что-то шипнуло, и в лицо ударила струя едкого, удушливого тумана. Глаза мгновенно загорелись огнём, лёг-

кие перехватило, мир поплыл, накренился, и я отключилась, мягко оседая на холодный бетонный пол, будто проваливаясь в глубокий, вязкий сон без снов.

Как выяснилось позже, у ребят был выходной. Они решили провести его вдвоем, без охраны, как два обычных парня в большом городе. Это решение, простое и человеческое, стало той единственной трещиной, через которую беда проникла в их жизнь.

Очнулась я от того, что кто-то осторожно, но настойчиво тряс меня за плечо, приговаривая что-то на корейском. Голос был мягкий, чуть хриловатый, и звучал так, будто его обладатель очень давно и очень сильно не спал. Я с трудом разлепила веки, и силуэт над мной постепенно обрёл чёткость. Чёрные, чуть отросшие волосы, растрёпанные пряди падают на лоб. Лицо, которое я видела сотни раз — на экране телефона, на плакатах, в бесконечных клипах на повторе. Ким Нам. Из группы MsS. Самой популярной группы в Корее. А может, и во всём мире.

Я моргнула. Потом ещё раз. Мысль мелькнула мгновенно и абсурдно: я ещё сплю. Это какой-то бредовый, прекрасный сон, навеянный усталостью, перелётом и переизбытком эмоций. Но он не исчезал. Наоборот, продолжал трясти меня за плечо, и голос его становился всё настойчивее, переходя на английский:

— Эй, ты в порядке? Ты меня слышишь?

Я с трудом села, опираясь на холодный пол. Голова раска-

львалась так, будто внутри кто-то методично бил молотком по вискам. Мир покачивался, стена поплыла в сторону, как пьяная подруга после третьего коктейля, но постепенно всё устоялось. И тогда я подняла взгляд — и увидела Чон Квана.

Боже. Я точно умерла и попала в рай. Два корейских айдола из самой известной группы — рядом со мной, в одном пространстве, живые, настоящие. Моей радости не было предела. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен во всём здании. Всё это было похоже на сюрреалистический подарок судьбы, на ту самую сцену, которую фанатка рисует в своём воображении миллион раз, зная, что такое невозможно. Но оно было возможно. Оно было прямо сейчас.

Ровно до тех пор, пока я не огляделась.

Стены. Серые, голые, бетонные. Сверху, почти под самым потолком, — узкое окно, настолько узкое, что через него и руку не протянуть. В углу стоит ведро. На полу — один

единственный матрас, старый, продавленный. Рядом валяется какой

то пакет, содержимое которого я пока не могла разглядеть. Сырость. Холод. Тишина, нарушаемая только нашим дыханием. Мы в подвале. Заперты.

Реальность вернулась как ушат ледяной воды.

Нам сидел рядом со мной на коленях, и, несмотря на весь

ужас ситуации, я не могла не отметить: как можно быть таким красивым даже здесь, даже сейчас? Его чёрные, чуть отросшие волосы были растрёпаны, на скулах залегли тени, но улыбка — та самая знаменитая улыбка бантиком, с идеально ровными, белоснежными зубами — всё равно проглядывала, будто он не умел быть без неё. Глаза, чуть прикрытые от природы, узкие, с хитринкой, смотрели так, словно за ними скрывалась какая-то задумка. Даже в подвале, даже в плену — в нём было что-то необъяснимо тёплое, притягивающее, как магнит.

Кван мерил комнату шагами: от одной стены к другой и обратно, снова и снова, как зверь в клетке. Его коричневые волосы были идеально подстрижены и уложены — настолько безупречно, что я на секунду усомнилась: а его-то точно с нами похитили? Может, он просто зашёл сюда по пути на съёмочную площадку, увидел эту бетонную эстетику и подумал: «О, отличный фон для тиктока!» Серьёзное, сосредоточенное лицо ни на секунду не расслаблялось, губы были сжаты в тонкую линию, но при этом его большие, выразительные глаза смотрели с такой мягкостью, что напоминали грустного плюшевого медвежонка, которого забыли на полке.

Языковой барьер оказался не такой страшной преградой, как я опасалась. Мы все немного знали английский. К тому же Катя, которая, к счастью, не оказалась с нами в этом кошмаре, успела научить нас с Соней корейскому — пусть базово, пусть с ошибками, но этого хватало, чтобы улавли-

вать смысл. К этому добавились разъяснения жестами, мимика, интонации и моя, как выяснилось, недюжинная общительность. Мы довольно хорошо понимали друг друга — и это было маленьким чудом в большой беде.

Мне нужно было срочно убедиться, что я не сплю. Что всё это — явь. И первое, что пришло на ум, — ущипнуть Нама. Не себя, а именно его. Пальцы сжались на его предплечье, и я с силой ущипнула.

— Ты что творишь?! — от неожиданности прикрикнул он, отдернув руку и уставившись на меня с таким возмущением, будто я только что испортила ему идеальный кадр для обложки журнала.

— Просто хотела проверить, не сон ли это, — пробормотала я еле слышно, чувствуя, как краска заливает щёки.

Нам секунду смотрел на меня, потом его лицо дрогнуло, и он захохотал — искренне, от души, запрокинув голову так, что даже лампочка под потолком задрожала от вибрации.

— Нужно же себя щипать, а не других!

— Так мне же будет больно, — невозмутимо ответила я, будто это был самый логичный аргумент в мире.

— А ты смешная, — выдавил он сквозь смех, и на мгновение в этой бетонной клетке стало чуть светлее не от лампочки, а от того, что кто-то ещё не потерял способность смеяться.

Кван остановился посреди комнаты, и его голос, ровный и серьёзный, вернул нас к реальности — как будильник, ко-

торый звонит в самый неподходящий момент:

— Жаль вас прерывать, но нас с Намом похитили. Скорее всего, из-за выкупа. А тебя схватили в суматохе, когда ты бросилась на защиту.

Нам повернулся ко мне, и в его взгляде, кроме любопытства, теперь мелькнуло что-то ещё — то ли восхищение, то ли опасение за мой рассудок.

— Ты что, сумасшедшая? Зачем бросилась помогать нам? Ты фанатка?

Я замялась. Правда звучала одновременно глупо и благородно, и я понимала это.

— Да я вообще вас не узнала тогда. Просто увидела, что кого-то похищают, а потом всё как в тумане. Сама не знаю, зачем бросилась на этих уродов с кулаками.

Кван кивнул, и в его грустных медвежьих глазах мелькнула тень уважения — будто он наконец понял, что перед ним не просто фанатка, а человек, который в критической ситуации действует по принципу «сначала делаю, потом думаю».

— Нужно держаться. Нас должны скоро найти. Директор, скорее всего, уже поднял на уши всех полицейских в Сеуле.

Но держаться нам пришлось целых три дня.

Три дня в бетонной коробке. Три дня под тусклой лампочкой, которая не выключалась ни на секунду, стирая грань между днём и ночью. Один раз в день дверь со скрипом открывалась, и на пороге появлялся самый старший из похитителей — угрюмый, молчаливый мужик с тяжёлым взгля-

дом. Он ставил на пол бутылки с водой, молча забирал ведро, выливал его содержание где-то за дверь, возвращал пустое обратно и уходил, не удостоив нас ни единым словом. Ни на наши вопросы, ни на мольбы, ни на крики он не реагировал — будто нас не существовало, будто мы были неодушевлёнными предметами в его подвале. Дверь закрывалась, замок лязгал, и тишина возвращалась, густая и давящая.

Но мы не сдавались. Нам шутил, заставляя нас смеяться в самые тёмные минуты — иногда шутки были такими плохими, что смеяться приходилось из вежливости, но это всё равно работало. Кван думал, ходил по комнате, строил планы — такие детальные, что хватило бы на сценарий сериала, если бы у нас был Wi-Fi. А я просто была рядом — и пыталась верить, что всё это закончится. Что за той узкой щелью окна есть мир, есть солнце, есть люди, которые нас ищут — и, возможно, уже готовят пресс-релиз о нашем спасении.

Первый день.

Первым делом мы решили оглядеться, будто в этой пустой, холодной комнате могли найти хоть какую-то зацепку — окно пошире, тайный люк, забытый кем-то нож. Но комната была безжалостно проста: голые стены, узкое окно под потолком, в которое и руку не просунуть, и одинокий матрас, лежащий на полу, как насмешка над привычным для айдов шиком. А на двери — записка, коряво нацарапанная чёрным маркером: «Если будете шуметь, изобьём до полу-смерти. Нас не звать, сами придём, когда будет нужно. Ис-

пользуйте ведро как туалет. Вода и еда в пакете».

В пакете мы нашли сухари, печенье, чипсы и две двухлитровые бутылки воды. Всё это выглядело так буднично, так обыденно, что от этого становилось ещё страшнее: будто нас не похитили, а просто поселили в каком-то неправильном, злом кемпинге.

И вот тогда в голове у меня закрутились не те мысли, которые, наверное, должны были быть у человека в плену. Не «нас убьют», не «кто нас спасёт», а совсем другие, до нелепости бытовые: «Как я буду ходить в туалет в одной крошечной комнате с двумя мужчинами — и к тому же моими кумирами?» и «Как мы будем спать на одном матрасе втроём?» Мир рушился, а я переживала о неловкости.

Ужасающий момент настал, когда терпеть стало невозможно. Мочевой пузырь будто кричал, и я, сгорая от стыда, попыталась объяснить всё жестами: свела колени, присела, прикрыла руками самое сокровенное, потом показала на ведро.

Нам всё понял мгновенно. Он тут же отвернулся к стене и, не церемонясь, развернул за плечи Квана, будто того и не надо было спрашивать. Оба ещё и уши прикрыли, будто это могло как-то защитить их от моего позора.

Мне было так неловко, что лицо, наверное, стало огненно-красным, как раскалённый уголёк. Я собрала всю волю в кулак, зажмурилась и кое-как выдавила из себя этот проклятый поток. В тот момент я готова была провалиться сквозь

бетонный пол.

Для ребят, как ни странно, это не было проблемой. Они вообще не стеснялись — только каждый раз просили меня отвернуться, и делали это с такой спокойной деловитостью, будто мы не в плену, а в походе, где приватность — роскошь, которую себе позволить нельзя.

Мы все очень нервничали. Где-то в глубине души каждый из нас понимал: нас похитили. И неизвестно, что будет дальше. Меня немного трясло, руки дрожали, будто от холода, хотя в комнате было не так уж и холодно. Просто страх пробирался под кожу, делал кости хрупкими, а движения — неуклюжими.

Кван держался невозмутимо и серьёзно, он ходил от стены к стене, будто искал слабое место, невидимую трещину, за которой прячется свобода. Но по тому, как он иногда застывал на полшага, как сжимал и разжимал кулаки, было видно, что он переживает. Его спокойствие было не равнодушием, а броней.

А Нам всё время улыбался. Улыбался, даже когда поводов для этого не было вовсе. Эта улыбка была его щитом, его способом не дать страху пробраться слишком глубоко. И ещё он пытался меня отвлекать.

— Расскажи, как ты вообще в Корею попала? — спрашивал он, будто это был самый важный вопрос на свете.

— А какой твой любимый наш клип? Только честно, без лести!

— А если бы ты могла прямо сейчас съесть что угодно, что бы это было?

Он вытаскивал из меня самые обычные, самые мирные истории, будто строил вокруг нас невидимую стену из бытовых мелочей, которая могла защитить от того, что ждало за дверью. Кван тоже старался, говорил что-то ободряющее, напоминал, что директор группы наверняка уже поднял на ноги всю полицию Сеула, что нас обязательно найдут.

Я тоже пыталась отвечать взаимностью. Пыталась быть сильной, не ныть, не плакать. И в какой-то момент, не придурав ничего лучше, я запела их песню. На ломаном корейском, не попадая в ноты, с дрожащим голосом и паузами, когда забывала слова. Это было ужасно, позорно, нелепо. Но они смеялись. Не над мной, а вместе со мной, будто мой фальшивый голос был самым лучшим звуком, который можно услышать в этом бетонном мешке. И от этого становилось чуть легче.

Время текло странно. Минуты растягивались в часы, а часы пролетали незаметно. Мы говорили, смеялись, вспоминали что-то из прошлой жизни, и вдруг поняли, что за окном уже глубокая ночь. Тусклая лампочка отбрасывала на стены жёлтые тени, и комната казалась ещё меньше, ещё теснее.

Настал тот самый момент, когда откладывать было уже некуда. Нужно было ложиться спать. Ночью заметно похолодало. Холод пробирался под одежду, забирался в кости, и та тонкая простынка казалась почти бесполезной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.